

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ

300 ЛЕТ
КУЗБАСС

ИСКАТЕЛИ

Рос посёлок на взгорье ёлочном.
Разрасталась община искателей.
От рассвета до чёрной полночи
Те искатели землю лопатили
И под нею скалу буравили,
Ворон-камень ища неистово.
Уважали таёжное правило:
Жить тесней, чтобы сердце не выстыло,
Чтоб не вымерзнуть в стужу лютую,
А в распутицу не запутаться,
И не кануть в беспамятство мутное,
И скользить по судьбе, как утица...
А народ работающ и отважен был.
Что ему путь-дороги таёжные,
Если он фронтовыми хаживал,
Чуя жадную смертушку кожей.
Не сникал он в тайге промороженной
И глубины земли прощупывал...
И не лез в тайгу с пьяной рожею —
Не прощала тайга шутки глупые...
От мороза тепляк пощёлкивал
Месяц ясный лукаво подмигивал.
То казался платочком шёлковым,
То тепло отпугнувшей фигою.
А когда снега непроглядные
Вдруг наваливались сонной пеною,

МИХАЙЛОВ Юрий Михайлович родился в пос. Разведчик Кемеровской области. Поэт, прозаик. Член Союза писателей России. Живёт в г. Берёзовском.

Исчезали дороги ладные,
И оказывались люди пленными.
Но гудели станки простуженно,
Оживляли их руки усталые,
И стонали трубы натужно,
В недра врезываясь грубой сталью.
Как работали прежде, теперь уже
Не увидишь нигде в жизни нынешней.
Сохраню это в памяти бережной,
Как легенду, живую, не книжную.

* * *

Мой ученик из шахты не вернулся...
На третьей парте у окна сидел,
Спокойный, симпатичный, тёмно-русый.
Волейболистом был, неплохо пел.
Субботники любил, штакетник правил
И вскапывал участок для цветов.
А после школы стал работать в лаве
В бригаде горняков-очистняков.
При встрече говорил, что очень счастлив:
Сплочённый коллектив, ритмичный труд,
Передовой и денежный участок,
А дома — скоро дети подрастут...
И на тебе — рвануло так, что смяло
Людей и уголь в жаркий клуб огня,
Горело всё, и всё вокруг стонало —
Явился ад, гудя, терзая, мня.
И наверху корёжило железо,
Крошило в щебень камень и бетон.
Как будто зло из преисподней лезло.
То явь была, а не кошмарный сон...
Потом весь город шёл, чтоб попрощаться
И с ним, и с каждой жертвою огня.
А в общем списке было их пятнадцать.
Тогда обдало жаром и меня.
С тех пор гляжу на горняков бывалых,
Почти как на отцов-фронтовиков,
И у часовни, где гвоздичек алых
Упали угольки, стою без слов.